

Ветер влюбленных

•❁ Елена Галова ❁•

Елена Габова
Ветер влюбленных
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444643
Елена Габова. Ветер влюбленных: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66531-0

Аннотация

Виолетта, сколько себя помнила, была влюблена в Захара. Любовь походила на манию, и за своим увлечением девушка не замечала никого вокруг. Но когда в ее жизни появился Лева, все изменилось. Виолетта наконец-то научилась ценить саму себя. Вот только удержать любовь не получилось. Обидев Леву, девушка потеряла преданного друга. Сможет ли она вернуть самого романтичного мальчика в ее жизни или совершит очередную глупость?

Содержание

Елена Габова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Габова Ветер влюбленных

– ...Музыка созвучна Экзюпери, – сказал Лёва. – Его Маленькому Принцу. Вам не кажется?

Это было то последнее, что я услышала уже издалека. И вообще, что услышала.

Лёва и Светлана Евгеньевна растворились в мареве снегопада.

Что созвучно Маленькому Принцу?

Хочу знать! Хочу это слышать! Как раньше! Идти с Лёвой по снегопаду и слушать одну и ту же музыку! Я хочу! Хочу! Почему это стало невозможным?

– Это чё, Капитонов был? – спросили за спиной.

Что? Кто-то что-то сказал? Слова произнесли как будто внутри меня. Причем голосом Захара. Потому что не мог же он стоять за спиной.

А может, я сплю? Кто это?

Медленно повернула голову.

Захар в своей лыжной шапочке с козырьком стоял за мной и шурился. Всегда эту шапку носит. Пушистые белые снежинки падали на пушистые черные ресницы, от которых меня еще недавно бросало то в жар, то в холод.

– Что? – спрашиваю я. И не узнаю своего голоса. Он глухой и незнакомый.

– Капитонов, чё ли, вышел, спрашиваю. А кто с ним? Не узнал. На какую-то из наших училок похожа.

Я медленно и молча иду по белой улице. Мне хочется плакать. Мне мешают плакать. Захар.

– Эй, Ветка... Ты слышь, чё ли?

Кислицин топает рядом. Мы сталкиваемся плечами. А потом уже и не сталкиваемся, потому что он меня обнял за плечи. Я стряхиваю его руку с плеча, как какую-нибудь мешающую мне ветку.

– Не надо, Захар.

– Не надо, не надо... ладно, – ворчит он. – Так это точно – Капитонов? А ты как тут оказалась? Случайно?

Я молча мотаю головой. Вправо, влево, вправо, влево... Летят снежинки... вправо, влево, вправо, влево, вниз... вниз...

– Нет.

– Ты чё, знала, чё он тут?

Я киваю: знала.

– Он чё, тут бывает?

Снова мой кивок.

– Он чё, и здесь, и в школе? Вундеркиндер?

– Только здесь. Он перевелся, Захар.

– Ни фига себе. А я и не знал. А ты шпионишь за ним, да?

– Захар...

– Ну, я Захар.

– А как ты здесь оказался?

– Ну, я за тобой шел.

– Зачем?

– Шпионю.

– Зачем?

– А зачем ты за мной ходила? – Захар начинает злиться. – Встречала меня из спортклуба? Зачем, а?

– Не знаю.

– Не знаешь? Ты чё, дура, чё ли? Сначала я. Потом Капитонов. А потом – кто? По цепочке – да? Скажи, да? Значит, будет и еще кто-то после Капитонова, да?

Захар возвышался надо мной. Смотрел на меня сбоку, изо рта вырывались злые слова. Злые злова.

– Не знаю. Захар, отстань, а? Прошу.

– А кто со мной целовался? Или это мне снилось?

– Прости. Не злись. Пожалуйста.

– А кто меня в театр приглашал? По-моему, это все делала одна и та же девчонка!

Молчу. А что тут скажешь? Только согласишься. Полное затмение сердца.

Захар остановился передо мной, схватил меня за плечи и потряс.

– Покровская!.. Ну погляди на меня, блин!

Смотрю. Ресницы. Глаза. Волосы из-под шапки. Черные, прямые, как у японца. Лицо перечеркивает снег. Снег так и идет, как шел, большой, пушистый. Снежинки, сцепившись, вновь упали на его ресницы. Он их сдул. Новые на ресницы сели.

– У тебя на ресницах снег, – я улыбнулась.

Я сняла перчатку и потрогала его ресницы со снежинками. Они сразу растаяли. Вот она, эфемерность, непостоянство: снег, вода, ничего. Захар схватил мою руку. Прижал к губам, как тогда в школе. Только тогда он ее просто прижал. А сейчас взял, ткнулся в нее губами и поцеловал, а потом прикусил кожу.

– Не надо, Захар. Щекотно.

– Щекотно? В чем дело? Может, объяснишь? Почему – Капитонов? В чем я провинился? А?

– Ни в чем. Просто все поменялось местами.

– Чё поменялось-то? Чё? Я не поменялся, на фиг! Вот, смотри!

Захар становится передо мной. Растопырил в стороны руки.

– Я! Я! Вот он, я! Кислицин! Захар! Анатоьевич!

– Захар, не шуми. Не шуми, пожалуйста. На нас смотрят.

– Да пусть, на фиг, смотрят! А ты на другого смотришь, мне чё, его убить?

– Захар, – говорю я как можно спокойнее. Меня успокаивает снег, спокойный, медленно летящий. Снежинки, казалось, выбирали место, прежде чем упасть на землю. – Все равно же ты меня не любил. Никогда. Ты всегда меня мучил.

– Не любил, да? – шипит Захар. – Мучил? – Он щурит глаза, кривит лицо, становится некрасивым, злым гоблином. – А теперь, может, люблю? А?

Я с силой отталкиваю его от себя двумя руками и бегу по белой улице.

Нет, не любит! Ему кажется!

Быстро бегу, словно сдаю норматив по физре. Я боюсь, что он бросится меня догонять. Он спортсмен, он меня в два счета догонит.

Я влетела в торгово-развлекательный комплекс. Как раз на первом этаже в одном из залов кончился киносеанс и оттуда повалили зрители. Я смешалась с толпой. Повернувшись, увидела у входа в комплекс Кислицина. Вот ненормальный! И сюда явился. Решил выяснить отношения до конца? А что это такое – выяснить их до конца? Как первокласснику ему разжевать: «Не люблю тебя больше. Не знаю, не знаю, не знаю почему. Так получилось». Но он не поймет. Конечно, нет! Если я сама ничего не понимаю!

Я могла бы ускользнуть от Кислицина через другой выход – здесь их было три или четыре. Но я здорово струсилась. И подумала, что он все равно вычислит. Я не хотела выяснять отношения до конца. Это глупо! Зачем их выяснять, если никто ничего не знает? Жизнь

оказалась такой странной, она может поменяться буквально за день. А вдруг мне снова будет дорог Захар, а к Лёве я буду равнодушна? Меня в жар бросило, когда я об этом подумала. Температура подскочила буквально до ста градусов. Нет, нет, нет! Лёва и только Лёва! Захар – навсегда за спиной, он – навсегда прошлое.

Я штопором ввернулась в толпу зрителей и пошла против течения.

– Простите, я сумку забыла, сумку забыла, – бросала я людям, недовольным, что их расталкивают.

Передо мной нехотя расступались.

Я влетела в темный пустой зал. Шлепнулась в какое-то кресло и тупо уставилась в темноту. Сбоку в натяжном потолке горели четыре лампы вроде ночников. Горе, которое я испытала, увидев, что Лёва вышел со Светланой Евгеньевой, притупилось. Его притупил Захар. Я даже испугалась его, честное слово. Я поняла, что с Кислицыным будут проблемы. Прямо завтра же в классе! Начнутся разборки. Ух, как я этого не люблю!

Не знала, что Кислицин такой ревнивый. Прямо Отелло!

Трудная эта штука любовь. Приходится расплачиваться за нее.

Но ведь я сказала Захару правду! Все-все резко поменялось! Теперь для меня Лёва такой же недостижимый, каким еще недавно был Захар. С ума сойти! Мир и вправду перевернулся. И как быстро, и как незаметно. Все тот же учебный год. Все та же зима.

В зале зажегся неяркий свет.

– Это кто тут сидит? – Я очнулась от женского голоса. – Кино давно кончилось, а она – сидит!

Уборщица с веником идет по рядам. Сметает остатки попкорна, полоски билетов.

– Выметайся, выметайся давай!

«Выметайся». Как будто я мусор.

Я вымелась и медленно побрела в сторону дома.

А на улице была такая красотища. Просто кошмар. Снег, снег, снег... так много снега, как будто снегопады всего мира перекинулись на наш город. И нас сейчас завалит. Завалит меня, Лёву, Захара. Всех завалит. Не останется ничего. Только красивое белое безмолвие.

Все страсти исчезнут. Все будет белое-белое.

Белый чистый ноль. Снежные Помпеи, понимаете, да?

Около моего дома стоял Захар. Я увидела его и отшатнулась. Да что такое? Может, Кислицын мне уже мерещится в снегопаде?

– Ты чего тут, Захар? – спросила с опаской.

– Заходи, пожалуйста, – ответил Захар неожиданно вежливо. – Я не тебя жду.

– А кого?

– Ты чё, тупая? Кто с тобой на лестничной площадке живет?

– Иди домой, Захар.

– Сама иди.

– Захар... Что ты, в самом деле? Ведь я же с ним не встречаюсь! С Капитоновым-то!

– Кто тебя знает. Я у него спрошу. И если встречаешься... – голос Захара стал угрожающим.

– Захар. Ты же видел, он с другой девушкой.

– Может, он с ней просто учится в одном классе... э-э... группе... детскосадной... Или что там у них?

– Нет, не учится. Он с ней. Он просто с ней.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, Захар. – Я грустно усмехнулась.

Удивительно красивые у него ресницы.

– Ну ладно. Ну, смотри, если врешь.

– Споки ноки, Кислицин.

– И тебе. Вот вы, девки, дуры. – Захар отклеился от стены подъезда и побрел. Длинный, широкоплечий. Как он вытянулся за последний год. Совсем стал взрослый.

Сначала он шел медленно, словно нехотя, словно размышляя, не вернуться ли обратно. А потом убыстрил шаг и почти побежал.

Собственник! Ни за что бы раньше не подумала.

Я еще постояла у подъезда посреди тишайшего снегопада, который гулял по городу в пуховых угах, с грустью размышляя о том, что еще недавно мечтала о том времени, когда мы с Захаром, именно с ним, рядышком пройдем по улице... Вечером, не спеша. Держась за руки. Сегодня мы могли пройти именно так! Обнявшись! Время от времени останавливаясь и целуясь. И вот прошлись. Но совсем не так, как мечталось! Почему?

В этот вечер мне даже видеть его рядом с собой не хотелось! Полнейшее спокойствие по отношению к Захару Кислицину. Спокойствие и снег в душе.

А Лёва со Светланой Евгеньевной... Может быть, как раз в это время идут рука об руку по такой красоте... Может, целуются... От этой мысли меня пробил озноб, и я нырнула в теплый подъезд.

Поднялась на лифте на свой этаж. Посмотрела на дверь Лёвкиной квартиры. Позвонить? Вдруг он уже дома и они совсем даже не целовались и совсем даже не шли вместе, а просто вышли из здания колледжа. Случайно встретились там в раздевалке.

Узнаю, что он дома, и сразу успокоюсь. «Позвони! Узнай!» – толкало меня любопытство. Да, но что я ему скажу, если он выйдет? Что? Ведь он смотрит на меня как на пустое место. «Не звони. Не узнавай», – не позволяла гордость. Гордость грозит мне кулаком. Я ей повинуюсь. Я стала старше. Я не хочу перед Лёвкой унижаться так, как унижалась перед Захарычем.

Перед сном пришла эсмэска.

Убью твоего Капитонова!

Захар. Ну а кто же?

Мир такой жестокий. Просто жуть.

На следующий день я еле дождалась десяти утра, когда открылась школьная библиотека. Надежда Борисовна выдала мне тоненькую книжечку. На обложке – маленький мальчик вроде Жорика из первого класса. Он стоял на крошечной круглой планете в развевающемся шарфе.

Я начала читать сказку на физике под партой. Но Виталий Сергеевич заметил и сказал: – Вета, убери, пожалуйста, книгу.

Он это негромко сказал, когда проходил по рядам. Так сказал, что только я одна услышала. Не могу не послушаться Виталия Сергеевича. Он хороший. Всегда с нами вежлив. И голос у него тихий. Объясняет урок, сложив лапки на животе. На его уроках шумновато, но мы его любим.

Спрятала книгу. Но на перемене встала к подоконнику спиной ко всему миру и углубилась в страницы.

И на меня обрушилась грусть.

Прозвенел звонок на урок, но меня уже ничто не могло оторвать от этой печальной истории. Я вспомнила, что сейчас у нас биология, и от сознания, что вместо звенящего голоса Маленького Принца я услышу шипящий голос Зои Васильевны, я содрогнулась. Быстрее, быстрее, вниз по лестнице, еще пролет, еще, ура, Шпионина не встретила, и я благополучно достигла тихого уголка.

Здесь никто не бывал. Незачем. Около спортивного зала есть такой маленький закуток – проход в корпус начальных классов. Зимой его почему-то закрыли, и получилось, что он стал никому не нужен. Я опустилась на пол, прислонилась спиной к теплой батарее и очутилась в пустыне. С Летчиком. С Маленьким Принцем. С барашком. С капризной Розой. С Лисом. На планетке Маленького Принца, где огромные баобабы. В Африке – на Земле.

А потом я плакала. Потому что это была самая грустная книга в мире. Уроки уже кончились. Все разошлись. Надо было топтать в класс за рюкзаком. Там была только дежурная Аля Королькова.

– Ой, Ветка! – воскликнула она, увидев меня. – Ты что-то забыла?

– Рюкзак, – коротко бросила я.

– Рюкзак? – удивилась она. – Ты что, не была на последнем уроке?

– Нет.

Заметив мой красный нос и глаза на болоте, Аля испуганно спросила:

– Что случилось, Ветка?

– Да ничего. Пока, Королькова!

Я направилась к выходу.

– Ве-ет! – позвала Аля. – Ты книжку забыла!

Книжку я положила на стол, когда доставала рюкзак с другой стороны парты. И забыла ее взять.

– Спасибо, – сказала я, вернувшись за ней.

– Интересная книга? – спросила общительная Аля. У нее брекеты на зубах, но она нисколько от этого не страдает. Не стесняется вовсе.

Я помотала головой.

– Нет. Не интересная. Она потрясающая, Аля.

И вышла, прикрыв за собой двери.

«Печально, когда забывают друзей».

Это я о Лёве. Он забыл.

«Когда грустно, хорошо посмотреть, как заходит солнце».

Мне так грустно. Где же закат? В городе его трудно увидеть. С моего восьмого этажа. В проеме между высоток... Но только не в период снегопадов...

«Мы в ответе за тех, кого приручили»¹.

Лёва! Ты слышишь? Ты меня приручил!!! А отвечать за меня не хочешь. Даже не замечаешь.

Весь день я ходила под впечатлением от этой маленькой книжки. И мне еще больше захотелось услышать ту музыку, которая ей созвучна. Но как я узнаю, это что за музыка была? Ведь мы не общаемся с Лёвой. Он меня позабыл. Он меня бросил!

На следующий день Захар спросил перед первым уроком:

¹ Цитаты из сказки Экзюпери «Маленький Принц».

- Ну что, встречалась со своим хахалем?
- Отстань, Захар, нет у меня никакого хахалю.
- Кто вас знает, девчонок... Врете ведь все...

Не нужно было спрашивать, кого он имел в виду. А когда я возвращалась с перемены в класс, увидела, что Кислицин вытащил из кармашка моего рюкзака телефон и проверяет звонки и эсэмэски.

Я подбежала и выхватила мобильник из его рук.

- Кислицин! Ты меня достал!
- Да ладно, не парься! – Захар отклонил голову и защитился руками, как будто я его бить собиралась. – Я только посмотреть хотел. Ну, у тебя и когти. Руку поцарапала!
- Так тебе и надо!
- Да чё ты, чё? Я же только посмотрел!

Как будто телефоном можно еще и в футбол поиграть. Нет, стоп! Захар прав: по сотику можно не только шпионить. Можно, например, по моему телефону послать Капитонову эсэмэску с каким-нибудь ругательством или угрозой от моего имени. Может, уже послал? Я проверила отправленные сообщения. Нет, чисто.

- Не трогай мой телефон. Кислицин, ты слышал?
- Да ладно!
- Не «да ладно», а вообще не трогай! Никогда! Понял?
- А то что, Покровская? – Захар сощурился так, что берега темных глаз почти сомкнулись.
- А то вышвырну тебя из-за своей парты!
- С ее парты! Да я и сам уйду с твоей парты, слышь, ты, ветка с трухлявого дерева!
- Вали.
- Да пожалуйста. Больше только не уговаривай вернуться!
- Договорились.
- Кислицин, садись со мной, – предложила Нинка Буфетова, белобрысая девчонка с накрашенными губами. Она наблюдала за нашей разборкой с большим удовольствием. Лучше бы ресницы и брови красила, а не рот. Терпеть ее не могу. У нее разговоры только лишь о парнях, кто да как на нее глаз положил.

Захар даже бровью на Нину не повел. Обозрел, куда еще можно приземлиться. Нинка фыркнула, свысока глянула на меня и медленно, с достоинством, удалилась из класса. Ха! Я ее, бедняжку, обидела. Теперь будет трепаться на всех углах, что я прогнала Кислицина. То, что Захар ушел сам, она во внимание не примет.

Свободное место было у Певченко, его сосед по парте, Мишка Забоев, простыл и в школу не ходил уже два дня. Дня через три появится... Кислицин перенес туда свой рюкзак, даже не спрашивая у Тимки разрешения. Ну да, Певченко против не будет, они с Захаром приятели.

Он специально к Нинке не сел: оставил место для отступления. Как будто непонятно. И как только я могла влюбиться в такого мелкого парня? Проверяет сотик, устраивает почти семейные сцены – кто бы мог подумать? Ведет себя как истеричная баба.

Прозвенел звонок, и в класс вползла биологичка Зоя Васильевна. У нас биология два раза в неделю, два дня подряд, как ни странно.

После того случая, когда она подслушивала наш с Лёвой разговор и я назвала ее шпионкой, за что мне пришлось извиниться, мы друг друга не переваривали. Но терпели, куда деваться? Сейчас Шпионина (про себя я звала ее именно так) пошмыгала глазками на меня и Захара, туда-сюда, туда-сюда и сразу прицепилась ко мне:

- Покровская, что ты там пишешь? Оставь ручку в покое. Не нужно писать. Нужно слушать.

Я отложила ручку, которой дописывала домашнее задание по математике, положила руки на парту, как первоклассница, и уронила на них голову. Какая же тоска эта Зоя Васильевна!

– Покровская, ты что, спать собралась?

Я поднялась и села неестественно прямо. Господи! Когда же Шпионина оставит меня в покое? Когда она уйдет на пенсию? Не при моей жизни в школе, это точно. Она не доставит мне такого удовольствия.

Я оглянулась на Захара, который сидел с Тимкой в третьем ряду. И тут же наткнулась на его упорный взгляд.

После уроков Лариса Григорьевна попросила меня, Алю Королькову и Валю Агееву провести в младших классах анкетирование. Проводили какое-то социологическое исследование, что ли. Каждый малыш должен был написать о своем желании. Любом желании – по отношению к себе или к миру, как он сам захочет.

Я проводила анкету в первом «В» классе, в том самом, где учился Жорик. Мы сразу друг друга узнали. Он заулыбался, я помахала ему рукой. Все первоклашки посмотрели на Жорика с уважением. А как же: знаком со старшеклассницей. Старшеклассники для малышей – великие люди, их авторитет незыблем. Вообще же мелкие такие потешные. У многих спереди не хватает зубов, и это совершенно не портит их личики. Наверное, потому что знаешь – что это временно. У стариков отсутствие зубов потому и страшит, ведь это навсегда, у них нет запаса кальция на новые зубы. Вообще же, детство и старость – такие жуткие противоположности. Детство – ожидание жизни, старость – ожидание смерти. Детство – розовые очки, старость надевает очки черные. Детство – это красота, старость – уродство. По крайней мере, мне так кажется. Поэтому я хочу жить только до пятидесяти. Да ну, не хочу быть немощной старухой...

Малыши усердно писали. Думали минут пять, писали – почти пятнадцать. Это одно-то фразу!

В конце уроков я собрала у мелких листочки с ответами. Их нужно было отдать классной, но я ее в школе не нашла и притащила листочки домой. Ну и полюбопытствовала, конечно, что малявки накаляли. Вот некоторые высказывания:

Я хочу, чтобы люди стали добрые и не воровали и никого не били
Я не хочу быть юристом
Я не хочу быть предателем и преступником!
Я хочу, чтобы мама стала добрая и нежная
Я хочу, пусть люди не воюют
Я хочу себе щастья
Я хочу жить во всех странах мира
Я хочу, чтобы я была умная добрая и красивая
Я не хочу быть моделью, потому что их часто убивают и я не хочу чтобы
меня убивали
Я хочу, чтобы Рома на меня смотрел
Я хочу, чтобы в мире не было никаких преступлений наводнений и
нападений
Я хочу быть в мире с аднаклассниками

Все ответы мне показались важными! Молодцы эти мелкие! За искренность молодцы. Кто-то думает лишь о себе и себе хочет «щастья», а кто-то – о «преступлениях, наводнениях и нападениях» во всем мире. Подписи в анкетах не требовались. Но мне показалось, что это мальчишки думают глобально – о мире, девочки – зауженно – о себе. Значит, мужчины и

женщины так же отличаются друг от друга, как детство и старость! У девчонок круг мыслей маленький, как мяч, у мальчишек – огромный, как планета. Я вдруг пожалела, что я – девчонка. Наверное, поэтому я так много думаю о любви. Я тоже, увы, ограниченная.

Последнее высказывание неведомой первоклашки про мир с «аднаклассницами» вызвало у меня задумчивую улыбку. Это могла бы и я написать. Ошибки только не мои и не мои каракули. Если бы на свете существовали только орфографические ошибки! Насколько бы легче жилось! Орфографических ошибок у меня вроде бы не наблюдается, зато других, жизненных, – целый чемодан на колесиках. Та мелкая девчонка, наверно, поссорилась с подружками из-за бантиков-резиночек. Или телефон позвонить кому-то не дала... словом, пустяк какой-нибудь. У нее все наладится, раз она этого хочет.

Я тоже не дружу с одноклассниками. Хотя вроде и не ссорилась ни с кем. И мне это не мешает. Я привыкла быть в отрыве от них. И все-таки такую записку я написать могла бы... Да-а... Просто, когдаловишь неприятный взгляд кого-нибудь из наших девушек, становится не по себе. Думаешь: что я тебе сделала? За что ты на меня так злишься?

Назавтра я отдала анкеты Ларисе Григорьевне. А последняя «записочка» случайно осталась у меня. Открыла учебник алгебры, а она там как закладка. Да ладно, пусть будет на память.

Через несколько дней Миша Забоев выздоровел, и Захар вернулся за мою парту.

– Привет, Покровская! – сказал он как ни в чем не бывало, вешая рюкзак на крючок.

– Ага, приветик, – вяло ответила я и уткнулась в учебник. Я уже не злилась на него. А чего, собственно, злиться? Все же по-прежнему. Все как раньше. К сожалению. К великому сожалению: с Лёвой мы не общались. А мне так не хватало его музыки, то скучной, то грустной, то пробирающей до глубины души.

Ну вот... Как раньше жили, так и сейчас зажили, говорю же...

По-прежнему вместе с Захаром ходили в буфет, пили какао с пенкой из одного стакана, когда стаканы кончались (в нашей в столовой это случалось!). Но все это было по-дружески, а точнее даже – по-соседски. Если сидишь с человеком за одной партой, волей-неволей становишься ему близким. И близким становится он. Не родные брат и сестра, но троюродные, это точно. К тому же Захар в меня и в самом деле не был влюблен. Так что сравнение брат-сестра – вполне соответствовало истине. Он врал, когда кричал на всю улицу: «А теперь, может, люблю!» Может, он и пытался влюбиться, но ничего у него не вышло. Однажды он признался, что после того вечера, когда мы целовались в его прихожей, он был уверен, что любит меня. И потом ему всегда хотелось целоваться со мной, в любой момент, даже на уроках.

– Давай, попробуем? – шутил он.

– Ага, давай! На математике, да? – отшучивалась я.

Математичка у нас тетя крутая. Ручку с парты нечаянно уронишь, и то она гаркнет. А уж если на уроке поцелуешься?! Оп, что будет! Что под руку попадет, тем, наверное, и запустит в нас. Попадет пистолет – застрелит!

Строгая эта Ивелина Сергеевна. Строгая, серьезная, как сама математика – дама в очках, в одной руке – линейка, в другой – циркуль.

Кстати, Ивелина Сергеевна в самом деле была «дама в очках». Так что она олицетворяла собой всю математику мира.

И мне нравилось, что математичка у нас строгая, никому не дает спуска. Наверное, поэтому по алгебре и геометрии у меня пятерки.

С Лёвой мы по-прежнему не встречались. Даже случайно! Он в колледже, мы в школе. Переведясь в колледж, Капитонов сразу стал как будто старше нас всех, не школьник, студент. Что мы для него?

Однажды возвращались домой с Аней Водонаевой.

– Ну, что? – спросила Аня. – Узнала про своего Лёвика? Где он сейчас? Неужели в Воркуту вернулся?

– Он в музыкальном колледже учится. Он же музыкальный гений, знала об этом, нет? Аня сделала большие глаза.

– Не-ет! А он что, музыку сочиняет?

– Он исполнитель. Пианист. Странно, что ты не слышала, как он играет после уроков. Музыка наполняла всю школу!

Я вспомнила, как это было. Беготня ребят, крики, а среди этого – блестящие звуки. Как было сладостно сидеть в классе и слушать, как играет Лёва, смотреть, как бегают по клавишам его длинные талантливые пальцы, как временами пробегает озноб по плечам от прекрасной музыки...

– Я что-то вроде бы слыхала... – Аня силилась вспомнить, прикусив хорошенькую нижнюю губку. – Да, точно, я слышала музыку! – воскликнула она. – Но не придавала значения. Думала, радио... Ты будто ее слышала, – усмехнулась Аня.

– Я? Если хочешь знать, Ань, я сидела на первой парте в музыкальном классе и была его единственной слушательницей.

Я почему-то не сказала, что Светлана Евгеньевна тоже присутствовала. Не хотелось мне про нее вспоминать. Вот ничутьточки!

– Ничего себе, Ветка! Могла бы поделиться инфой. Я бы тоже послушала с удовольствием.

– Да, но ведь это классика, Ань. Шопен, Мендельсон...

– Бах, Бетховен, Чайковский... – перебила меня Аня. – Ветка, мне эти имена тоже знакомы. Не воображай, что ты одна их знаешь.

– Я не воображаю. Он так классно играет, Аня! – Я мечтательно крутила головой.

– Так ты поэтому перекинулась на него?

– Перекинулась! Ты так говоришь, как будто я насекомое и пересела с цветка на цветок.

– Ну примерно ведь так и было, – смеется Аня.

– Нет, Аня. Не так. Не примерно, совсем не так! Но я не знаю – как. Это произошло, и точка. Но я в ауте.

– Как так?

– Капитонов не хочет меня видеть.

– Почему? – Аня делает большие глаза. – Что случилось? Ведь вы были такими дружными!

Я наконец-то рассказала Водонаевой историю с театром. Мне давно хотелось с кем-нибудь об этом поговорить. Удобно иметь душевную подругу, но у меня ее нет. Аня в подруги подходит, но, во-первых, она в другом классе, а во-вторых, у Водонаевой все девочки на свете – друзья. Ее на меня не хватит.

– Понимаешь, Анют, я полагала, они с Захаром посидят рядом в театре, пообщаются и перестанут друг друга ненавидеть. А получилась такая бяка. Мы навеки поссорились.

– Да уж. Ты даешь! Вот почему он в наш класс перешел! А ты хоть бы посоветовалась сначала.

– С кем, Аня?

– Да хотя бы со мной!

– С тобой? Прости, не подумала про тебя.

– Ты ни про кого не думаешь.

– Заткнись, Ань, и так тошно. Словом, теперь я для Лёвы – прошлый мир. Мы все для него – прошлый мир.

– И пошлый, – добавила Аня.

– Почему пошлый? Ах да, может быть, и пошлый, ты права.

Прошлый мир – пошлый мир. Наверное, мы и в самом деле казались Лёвке пошлыми. Я со своим тупым, как он выразался, Захаром. Тимка Певченко со своими глупыми шуточками. Вся школа с надписями на стенах: «Филин – дебил», «Встретимся в Wi-Fi», «Кто украл мою мобилу, тот мертвец!» и тому подобными перлами.

А уж что прошлый – точнее некуда.

У Капитонова была страничка «ВКонтакте», как у всех нас. Аватарка была такая: скрипка и роза на ней. Наверное, фотку с фоно не нашел. Но Лёва очень редко «ВКонтакте» заходил. У него висели всего две фотографии на странице – прежний класс в Воркуте и еще какой-то бескрайний пейзаж, наверное, его любимая тундра. На переднем плане – цветок иван-чая. И все.

Так как он свои новости не заполнял, я стену и не проверяла. А на днях как-то залезла и увидела, что пользователь Лев Капитонов удалил страницу.

Я расстроилась. А, да гори все синим пламенем! Тоже удалила свою. Со всеми записями, фотками, разговорами в личке с Аней. У меня там тоже «прошлая жизнь» – фотки Захара с телефона. А еще снимки нашей дачи, которую я люблю летом, потому что там дико красиво среди маминых цветов. Ну, еще аудиозаписи Цоя, англоязычных баллад. Дебюсси (Лёвино влияние!). Парочка хороших фильмов.

Ничего не жалко, раз в Сети нет Лёвки!

К училищу я больше не ходила. Захар виноват! А вдруг я оглянусь, а он опять за спиной! К тому же трудно было угадать, когда Лёва выйдет. У школяров и музыкантов расписание никак не совпадало. Как-то я заскочила в их дурацкий колледж и глянула расписание первого курса. Ха! То в восемь занятия начинались, то в два, то в четыре. Раздолбай полный. Колледж был наполнен звуками – фоно, флейта, виолончель, труба, миллион скрипок... Какой-то музыкальный улей... как они тут все с ума не сойдут?

Лёве фортепьяно купили. Иногда я слышала, как он дома бренчит. Тогда я останавливалась на лестничной площадке, подпирала стенку плечами и замирала. Но слышимость была плохая, хуже, чем в школе, в миллион раз. Я заходила домой, кусая от отчаяния губы.

И вот однажды захожу в лифт, а следом знакомый голос:

– Пожалуйста, подождите минутку!

У меня обмерло сердце: Лёвин же голос! А следом и весь Лёва нарисовался.

– Ой, это ты, Ветка! Привет!

– Здравствуй!

Мои губы сами собой растягиваются в улыбке. Он не сердится: «Ветка!» И у него улыбка во всю физию! Мы оба улыбаемся и смотрим друг на друга голодными глазами. То есть нам обоим радостно видеть друг друга. Еле сдерживаюсь, чтобы не броситься ему на шею! Месяц (а кажется сто лет) прошел со времени случая в театре. И надо быть уж очень злопамятным, чтобы до сих пор помнить мою потрясающую детскую глупость. Хотя... я сама сто лет бы ее и не забыла. Длинную Лёвину шею обвивает серый вязаный шарф, край которого закрывает подбородок.

– Лёв! Чего так укрылся-то? Замерзаешь?

– Простыл немного. – Он покашлял в кулак, изображая простуженного – Как поживаешь, Вета? – Он смотрит на меня пристально, глубоко. Прямо в меня! Или мне кажется?

– Да вот... каким-то образом поживаю. В десятом «А» классе.

– Что ты говоришь? Не знал. А я в музыкальном коллежде учусь.

– С трудом, но мы об этом узнали. Американская разведка доложила. Ну и как там? Хорошая атмосфера?

– Вполне. Меня устраивает. Тимки Певченко там нет. – Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. – А ты как? Музыка слушаешь? Не разлюбила?

– Слушаю, да. Цоя, других. А что?

Лифт остановился на нашем восьмом этаже. Но я не дала открыться дверям и нажала на кнопку двенадцатого. Кабина нехотя поползла выше.

– Что, покататься решила? – Лёвка насмешливо смотрит на меня сверху вниз. Похоже, не понравилось, что я не дала ему выйти.

– Лёв... Знаешь... прости меня, а? Ну дура я, дура!

– Да простил давно! Что с вами, девушками, сделаешь? Вы какие-то ненормальные. Вас не поймешь!

– Спасибо! Можно я тебя поцелую за это? – Я притянула его за концы шарфа, но не поцеловала, а резко отпустила концы. – Лёв, правда, мне очень не хватает твоей музыки... – и вдруг решительно, как обреченная, я выкрикнула: – Мне надоело быть с тобой в разводе!

Я закусила губу и отвела глаза в сторону. Тру какое-то пятнышко на гладкой стене лифта.

Лифт остановился на двенадцатом.

– Так в чем же дело – давай не будем в разводе.

Лёва нажал на кнопку восьмого.

– А ты на меня уже правда не злишься?

– Правда, нет. Но тот случай, Вета, – Лёва покривился, покачал головой, – надолго вывел меня из равновесия.

– Не надо о диком. Давай о цивилизованном.

– Ладно, давай.

– Мы будем встречаться, о'кей?

– В лифте?

– Да хоть где! Можно и в лифте! Тут можно и чаек попить – делов-то! С сухариками!

Мы ударили по рукам, выйдя из лифта, разошлись по квартирам с глупыми улыбками на рожках. Ну, может, только у меня была улыбка глупая, я зря обобщаю. Но как же я была рада!

Рада? Нет, это слово не подходило для обозначения того, что я испытывала! Я была счастлива!

С того дня, это, считай, с конца декабря, началась в нашем городе весна, расцвели яблони, вишни. Я снова была приветливой с Захаром, стала учить уроки, слушать Цоя. А раньше буквально все казалось мне запертым под увесистый амбарный замок. И я нахватала троек по всем предметам.

Декабрьские дни продолжали укорачиваться, а я этого не замечала. Для меня, наоборот, прибавилось свету.

Но встречаться нам все равно не удавалось. Да и как будешь встречаться? Нам же не по десять лет. И нельзя было просто позвонить в соседнюю квартиру и сказать соседскому мальчику: «Давай поиграем». Нужен был подходящий случай. Или какой-нибудь серьезный повод. Я каждый день надеялась, что вот буду выходить из квартиры, а тут откроется дверь и покажется Лёва. И мы идем – в одну и ту же сторонушку!

Один раз повезло – меня окликнули с другой стороны улицы:

– Ветка! Эй, Ветка! – и еще как-то по-новому: – Виюетка!

Улочка узенькая, старая, с односторонним движением. По краю огромные тополя, а за ними одноэтажные деревянные домики. Милая такая улочка! Улочка-старушка! Бывают такие старушки уютные – улыбчивые, в белых платочках. Смотрю – между тополями стоит

Лёвка и руками изо всех сил машет. Прямо как мельница! Сам весь в сугроб залез, лишь бы только я его заметила.

– Привет! – и я ему рукой в варежке помахала. И одной рукой! И второй! И двумя! – При-ивет! Лёва-а! Ты куда-а?

– В школу-у!

– В школу? – я – удивленно: – Я то-оже!

– Я в ко-олледж, – поправился он. – В училище-е! Пока!

– Ду-уй в свое училище-мучилище! – ору я. – По-ока-а!

Я слышала, они свой колледж тоже школой называют! Не доучились в школе-то, наверное, скучают по ней, еще бы хотели пошколярить, а вот заперли их в колледже музыкальном, бедолаг! А раньше, года два назад, этот колледж училищем назывался. Придумали тоже – колледж! Англичане все прямо в середине России!

Ох, я так обрадовалась, просто зверски. Закричала: «Ура!» – подпрыгнула, закрутила на месте Аньку Водонаеву, которая следом за мной шла в класс.

– Что с тобой, подруга? Танцы с утра!

– Ань! А-ань! Это Лёвка был! Понимаешь, Лёвка! Он меня с той стороны улицы окликнул! Увидел! Заметил! Ме-еня! Виоветкой назвал!

– Сейчас свихнешься от радости! Надо же – правда влюбилась! Ну и ну! – Аня крутила головой. – Ветка, остынь!

– Ура-а! – Я запрыгала на одной ножке и, если бы Аня меня не поддержала, я свалилась бы на проходившего мимо дяденьку.

И в этот момент солнце из туч выглянуло. Как вовремя! Оно совпало с солнцем в душе. А может, ему просто захотелось глянуть, кто это там внизу бесится и с какой такой радости?

Весь день у меня настроение было как у малолетки в день рождения.

Счастливый такой день! День-везунчик-попрыгунчик!

После уроков поднялась на восьмой этаж, уже квартиру ключом открыла, слышу, кто-то у мусоропровода газетами шуршит. Обычно тут людей не бывает, на нашей площадке три адекватные квартиры, никто на площадках не околачивается. Даже никто из взрослых курить не выходит! Правда-правда! Я даже стала верить, что курить и в самом деле немодно. Я же любопытная страшно, как все девчонки. Глянула, а у мусоропровода Лёвка стоит и читает газету. Сосед из квартиры справа, дядя Боря, продолжал вытаскивать на площадку кипы газет. Вот Лёва выбрал одну «Аргументы и факты» и читает, склонившись к низкому окошку, чтобы светлее было.

– Лёв, привет! Ты что тут устроился? Дома газет нет?

– Привет, Ветка. Да вот, маму жду. Обещала быстро приехать. Я ключ забыл.

– Так заходи к нам, что ты тут как бедный родственник!

– Спасибо.

Зашел. Куртку снял, шарф длинный серый пушистый на шее оставил. Сел на диван, один конец шарфа до полу достает. Пришел кот Тарас, лапы на шарф положил. У него лапки такие аккуратненькие, черные, а «носочки» белые. Глаза на Лёву поднял: разрешаешь? Да, у нас новый жилец: Тарас. Мама с работы принесла, говорит, прибудился, жалко выгонять. А начальница ворчит, что у них в офисе кот бродит, клиентов распугивает. Вот мама и принесла его домой.

А по моему мнению, Тарас клиентов, наоборот, приманивал. Он такой весь добродушный, приветливый. Говорят, в Японии в каждом заведении и в каждом магазине стоит на полке фаянсовая фигурка кота с поднятой лапкой – заходите, заходите. Наш Тарас, конечно, лапку так театрально не поднимает, но гостей любит, сразу бежит знакомиться.

Только вот Лёвка кота не приметил.

Взял в руки книгу – у меня на диване Бродский лежал, в страницы уткнулся. Но, по моему, он даже одного стихотворения не дочитал.

– Как учишься? – спросил, отложив стихи в сторону. И взгляд тоже в сторону «отложил».

– Да ты уже спрашивал. Учусь ни шатко ни валко. Да, нормально, Лёв, не беспокойся.

Смотрю на него искоса, люблюсь. Он отрастил волосы до плеч, а они у него волнистые, светлые и такие на вид мягкие, что рука просто тянулась, чтобы их пощупать. Я эту руку другой рукой сжала за запястье, чтобы она не делала того, что не положено. Хватит с меня глупостей!

– Давно тебя поздравить хотел, – сказал Лёва, открыв Бродского и быстро пропуская страницы через большой палец, так что они сливались в полупрозрачный веер. Поглядел на меня робко и снова увел глаза в сторону. – ...Я встретил Водонаеву, она сказала, что у вас с Захаром все хорошо, что ты сидишь с ним... и вообще.

– Что вообще? – Я закусила губу, ожидая ответа. У меня проявилось сердце. Прямо забрыкалось, как конь. Я взяла со стола книжную закладку и двумя руками установила ее на лоб наподобие козырька.

– Ну... что вы с ним плотно общаетесь. – Вообще не смотрит в мою сторону! Как будто ему стыдно за что-то! Кота увидел, пошевелил ногой, чтобы Тарас убрался, подтянул шарф на диван. Кот обиженно ушел в угол, он привык, что гости брали его на колени и гладили, а не прогоняли.

– Да? И ты думаешь – все хорошо? – Моя закладка проехала по волосам к затылку. Я прижала ее с двух сторон на макушке. Голова моя склонилась к столу под неестественным углом. Я тоже не смотрела на Лёвку. Сердце брыкалось, уши и щеки горели, а ноги вдруг стали холодными. Что он знает-то, что? Пианист несчастный! Ничего он не знает! Не видит! Не понимает!

– Конечно. Оказывается, это я мешал вашим отношениям. – Лёвка стал похлопывать книжкой по коленям.

– Ничего ты не знаешь, – сказала спокойно и холодно.

– А что я должен знать? Что? – Книжку отбросил. – Ты не рада этим отношениям? Разве? Ты же этого почти полгода добивалась! – Книжку еще дальше отодвинул, она отправилась на свое место на диван, где лежала в самом начале.

– Не рада.

– Почему?

– Потому что случился форс-мажор. – Я перевернула закладку другой стороной. Пусть хоть чуть-чуть охладит мою горячую взволнованную башку.

– Форс-мажор? Каким таким образом? Почему?

– Потому что любовь кончилась.

– Вот как! – Лев помолчал. Наконец-то на меня смотрит! Какой взгляд! Какие голубые глаза! Они пронизывают меня насквозь! – Точно? Может, ты ошибаешься?

Я горько ухмыльнулась.

– Вета. Посмотри на меня.

Смотрю в сторону.

– Вета!

На него, прикусив губу.

– Ты не любишь Захара? – удивленно, расширив глаза. – Разве так бывает? Только что любила и вдруг... нет?

– Нет.

– Может, ты ошибаешься? – снова повторил он. – Может, тебе кажется?

– Кажется, ага. – Я усмехнулась. – Хорошо, если б казалось. Увы... я его не люблю.

Лёва помолчал, пододвинул книжку к себе, погладил обложку ладонью.

– Знаешь, я и этому рад. И рад даже больше, чем тому, что вы сидите вместе.

Тарас прыгнул на диван и снова направился к Лёвиному шарфу.

– ...Потому что ты знаешь, как я относился к Кислицину, – продолжал парень. – Он тебя недостоин.

– А кто меня достоин, Капитонов? – я спросила это тихо, почти прошептала. И в первый раз его по фамилии назвала. В первый раз в жизни вообще.

– Ну, не знаю. Сложно сказать. Такой же умный, как ты – по крайней мере. Ну и такой же симпатичный... Красивый, – поправился он.

– А может, такой, как ты? А?

Я сказала это и, отшвырнув закладку (она полетела на пол), вылетела из комнаты. Меня трясло.

Мне вдруг показалось, что я призналась ему в любви! Люблю его! Да, призналась! Я включила воду в кухне и стала набирать в чайник. Щелкнула его рычажком. Осталась ждать, пока чайник закипит, а внутри меня уже кипело и никак не переставало бурлить. Я стояла в кухне спиной к выходу и спиной услышала, как хлопнула входная дверь. Я вздрогнула от хлопка.

Ушел! Я его вспугнула! Зачем я задала этот вопрос? Идиотка!

Чайник вскипел. Ни для кого.

Я вернулась в комнату. Закладка аккуратно лежала на столе. Ее вежливо подняли с пола. Я опустила на стул, схватила эту закладку и снова прижала ко лбу. Хоть какая-то прохлада. Она нагрелась мгновенно. Я положила руки на стол, крепко сцепив ладони. Закладка валялась рядом. У меня отличное зрение. Сверху на закладке, которая изображала какую-то фарфоровую фигурку из Эрмитажа, я увидела маленькие буквы. Почерк у Лёвы покрупнее. И все-таки это писал он. Просто свободного места на закладке не хватало, и он написал мелкими буквами, чтобы вся фраза поместилась.

ВЕТКА, я тебя недостоин. Лев.

Я закусила губу и сжала кулаки. Потом отчаянно застучала ими по столу. Закладка снова слетела на пол. Я ее подняла, поцеловала слова. Буквы. Которые написал он, его рука с длинными музыкальными пальцами. Черт! Зачем я ушла? Зачем мне был нужен этот чай?

Мне он не нужен! Хотела Льва угостить!

Нет! Я просто сбежала! Я призналась ему в любви и позорно сбежала в кухню! Струсил!

Я взяла Бродского, которого не стал читать Лёва. Не понравился? Может быть. А может, просто настроения не было, не всегда хочется стихи читать, это точно так же, как не всегда же хочется петь. Или музыку слушать. Я раскрыла томик и прочла первое, что попало на глаза:

Любовь сильней разлуки, но разлука
Длинней любви...

Нет! Нет! Неужели это так? Если это так, я просто не переживу!

Не хочу разлуки. Никакой. Хотя вроде бы она невозможна, наши квартиры рядом. Но оказывается, несмотря на то что мы живем дверь к двери, разлука может быть вечной.

Я набралась храбрости и послала ему эсэмэску.

Я налила тебе чаю.

Я знала, что он не придет. Но пошла в кухню и все же налила ему чаю в самую красивую чашку.

Он не пришел. Не пришел, не ответил. Я проверяла свой телефон раз сто до сна. Пусто. Пусто от Лёвы. Пустота во всем без него.

Я не находила себе места. Понял ли Лёва, что я люблю его? А разве он мог это понять? В вопросе «может, такой, как ты?» намек есть, но нет прямого признания. Я же не спросила: «Может, ТЫ достоин меня?» Я спросила: «А может, такой, как ты?» И где здесь признание, где?

Теперь меня стало мучить сознание того, что я НЕ призналась ему, что недостаточно дала понять, что люблю его.

Почему так устроен человек? Почему он все время сомневается? С одной стороны, я хочу, чтобы он узнал – люблю его! Его и только его! С другой стороны, этого не хочу. Я боюсь! Почему-то боюсь!

А вот почему: я боюсь, что не получу ответа. Что я ему совершенно безразлична. Боюсь этого, боюсь... Какая-то я стала трусливая. И еще несчастливая. Сначала безответно любила Кислицина. Теперь без ответа – Лёву.

Может, у меня такая судьба – любить тех, кто меня не любит?

Захар пришел в школу с елочной лапкой в кармане. Да, такая маленькая лапка, три елочных пальчика. Отломил от большой ветки где-то по дороге. На истории двинул по парте в мою сторону.

– Нашел, – коротко бросил. – Тебе, колючке.

– Спасибо, – прошептала я.

Я понюхала ее, потерла хвоинки пальцами. И потом держала их у носа, а когда запах пропадал, брала хвойную веточку и снова мяла в руке. Пахло Новым годом. Чем-то обещающим. Чем-то новым. К нашему столу подошел Порфирий Петрович и протянул руку с раскрытой ладонью в мою сторону. Вздыхнув, я положила в нее еловую веточку.

– Не плачь, я тебе другую найду, – прошептал Захар.

Я усмехнулась. Странные какие-то учителя. Чем я мешала историку? Тем, что нюхала ветку?

Елки носили по всему городу. Искусственные – в больших коробках, настоящие – связанными, как лесных пленниц. Да они и есть пленницы. Пленницы, которых везут умирать. Сначала вокруг них попляшут, похлопают в ладоши, похоронят, может, выпьют шампанского под тихий душистый запах, поцелуются, признаются в любви... а рядом будет увядать настоящая живая пленница. Елочка. Вот она, наша жизнь. Счастье рядом с несчастьем. Жизнь рядом со смертью. Туман в сознании елки, а потом – свалка. Все. Выросла как смогла, расцвела, как сумела... прощай. И даже прощай никто не скажет, а скажет: фу, как намусорила... теперь подметай за ней пол. Вот и вся наша людская благодарность. Я уже года три назад уговорила родителей не покупать настоящих елок. У нас искусственная, которую собирает папа тридцатого декабря. Украшаем я или мама или вдвоем, вешаем мандарины, которые я пожираю во время зимних каникул, а потом елка снова отправляется в коробку. И все довольны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.